

Предварительное следствие по делу о томском погроме 1905 г. и сибирская юстиция

Евгений Крестьянников

Preliminary investigation into the case of the Tomsk pogrom of 1905 and Siberian justice

Evgenii Krestiannikov

(Tyumen State University, Russia; HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X23020074, EDN: BICRIS

20–22 октября 1905 г. в результате бойни в Томске погибли 66 человек, ещё 126 получили ранения, был нанесён огромный ущерб имуществу частных лиц, сгорело несколько зданий, одно из которых — городской театр — уже не восстанавливалось¹. Но несмотря на столь тяжкие преступления, по итогам предварительного расследования, судебного процесса, проходившего в Томском окружном суде 17–28 августа 1909 г., и последовавшего затем Высочайшего помилования фактическое наказание постигло всего пятерых погромщиков: один из них подлежал аресту на месяц «при волости» и четверо осуждались на незначительные сроки тюремного заключения (от четырёх месяцев до года). Так закончилось основное «дело о томском погроме», а дополнительный обвинительный акт, незамеченный современниками и неизвестный историкам, рассматривался в Томском окружном суде 21 июля 1910 г. Тогда трёх обвиняемых отправили в тюрьму на четыре месяца каждого².

Репрессии оказались явно неэквивалентны чудовищности совершённых деяний. Преступники либо избежали уголовной ответственности, либо карались чрезвычайно мягко. Показательно, что на судебных заседаниях в августе 1909 г. ни один подсудимый не преследовался за содеянное в самый кровопролитный день погрома — 20 октября; все они нарушили закон в следующие сутки³. Это свидетельствовало о серьёзном сбое в судебной системе, на которую влияли как политическая обстановка, так и разнообразные трудности, возникавшие перед следственными органами. Многие участники и очевидцы тех событий отмечали, что уже на стадии предварительного следствия справедливость судопроизводства вызвала сомнения. Возглавлявший Томск во время кровавого бедствия городской голова А.И. Макушин, избранный позднее депутатом Государственной думы, с её трибуны сообщил 29 июня 1906 г. о давлении на

© 2023 г. Е.А. Крестьянников

Исследование выполнено при поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-49-720019.

¹ Подробнее см.: *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Новосибирск, 2019.

² Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 190–190 об., 196, 232–234, 247–248.

³ Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИА ОО), ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 67.

органы, производившие расследование. Он указал на спорное с точки зрения законности отстранение от должностей ключевых для следственных действий фигур: судебного следователя Я.Е. Иващенко, судмедэксперта А.А. Грацианова, председателя Томского окружного суда А.В. Витте⁴. Томский юрист С.В. Александровский, вспоминая об устранении чиновников и других манипуляциях, констатировал: «Следствие, переходившее после этого от одного следователя к другому, наконец, заглохло»⁵. Проведение его в полном соответствии с законом угрожало многим силам, проявившимся в октябрьские дни. Разумеется, было что скрывать административным и полицейским структурам, продемонстрировавшим, как минимум, неспособность предотвращать и подавлять беспорядки. Активность частных лиц и объединений также зачастую повышала напряжённость в городе и способствовала наступлению хаоса.

Томск фактически остался без полиции⁶, оказавшейся в решающий момент полностью деморализованной. Томский губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев в рапорте министру внутренних дел 16 ноября 1905 г. утверждал, что его подчинённые перед погромом подвергались «со стороны революционеров угрозам насилия» и поддались панике, а «нижние полицейские чины не только прекратили с 19 октября наружную службу, но боялись даже показываться в форменной одежде на улице»⁷. При этом обстановку в Томске дестабилизировали как демонстрации и митинги, так и конфликт между «интеллигентной» городской думой под руководством Макушина, которая, узнав о Манифесте 17 октября 1905 г., активизировала тянувшееся с августа создание милиции («городской охраны») и начала вооружать её револьверами, и полицмейстером П.В. Никольским, пользовавшимся поддержкой губернской администрации.

20 октября монархически настроенные жители (их именовали тогда «патриотами»), объединившись, провели шествие в поддержку императора, которое сопровождалось избиением людей, по каким-то признакам казавшихся противниками царской власти. Тогда же толпой были совершены первые убийства. Чуть позже главной ареной расправ стала Соборная площадь. Один из спасшихся милиционеров, Г.Б. Кляцкин, в воспоминаниях, названных «Кровавый эпизод», писал: «Я тогда стоял в боевой дружине городской милиции. Соборная площадь в этот день олицетворяла собой два насторожившихся, смертельно ненавидевших друг друга лагеря. С одной стороны высшие учебные заведения и железнодорожное управление... и с другой — громадный собор, символ самодержавия, и дом губернатора»⁸. Там толпа окончательно рассвирепела, оказавшись под выстрелами из рядов милиции и почувствовав, что прибывшие войска не будут препятствовать её действиям. Противники манифестантов, спасаясь, забаррикадировались в административном корпусе железной дороги, где в тот день работникам выдавали жалованье. Некоторые из

⁴ Государственная дума. Стенографические отчёты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. СПб., 1906. С. 1811.

⁵ Александровский С.В. Октябрьские дни 1905 г. в Томске (воспоминания томского старожила) // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 156.

⁶ Начальник томского гарнизона 22 октября докладывал: «За время беспорядков в г. Томске замечается полнейшее отсутствие чинов полиции на улицах города» (ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 105).

⁷ Государственный архив Новосибирской области (далее — ГА НО), ф. П-5, оп. 2, д. 152, л. 2 об.—3.

⁸ Там же, ф. Р-1612, оп. 1, д. 76, л. 1.

тех, кто попытался оттуда выйти, были растерзаны, а вечером здание охватило пламя, и многие, оставшиеся в нём, сгорели заживо. 21 и 22 при пассивности властей и солдат Томск погрузился в стихию насилия, грабежей и разрушений, от которых особенно часто страдали евреи.

Расследование этих событий сильно затруднялось тем, что незадолго до них горожане получили разрешение иметь и носить оружие⁹, а из местных тюрем освобождались лица, содержащиеся под стражей за политические преступления¹⁰. Город наполнили чужеродные для него элементы. Основу гарнизона составляли роты из новобранцев и резервистов, с нетерпением ожидавших демобилизации после окончания русско-японской войны. Они отличались низким уровнем дисциплины и нежеланием служить¹¹.

Вместе с тем с весны 1905 г. в Томске скапливались пришлые люди, которых никто не знал в лицо (возможно, это стало одной из причин того, что в следственных материалах и в описаниях погрома постоянно использовалось обезличенное понятие «толпа»¹²). Криминогенную обстановку обостряло присутствие «сахалинцев»¹³ — ссыльных, которым после Портсмутского мира и уступки Японии юга Сахалина правительство разрешило отправиться домой. Незадолго до погрома «Сибирская жизнь» сообщала об их безвыходном положении. 13 октября несколько таких семейств с маленькими детьми, не найдя пристанища, расположились на тротуаре около Томского полицейского управления. По их словам, местные жители относились к ним «хуже японцев»¹⁴. Между тем 27 октября губернатор просил командира одного из батальонов прислать на железнодорожную станцию 60 солдат «на случай возникновения там беспорядков вследствие прибытия партии сахалинцев»¹⁵.

Характер преступлений, совершённых в ходе погрома, усложнял сбор доказательств и проведение криминалистических экспертиз. Даже на фоне многочисленных в то время расправ¹⁶ случившееся в Томске выделялось беспощадностью и истреблением улик. Некоторые трупы, вероятно, оказались полностью уничтожены. Следствию приходилось иметь дело с обгорелыми костями¹⁷, «изуродованными до неузнаваемости» мертвецами с «выбитыми зубами, разбитыми в лепёшку носами и губами»¹⁸. 9 ноября, по данным Томского губернского управления, 11 человек числились пропавшими без вести¹⁹.

Неудивительно, что под свежим впечатлением современники многократно преувеличивали число жертв побоища, ставя его на первое место в ряду анало-

⁹ Ларьков Н. С., Чернова И. В. Полицмейстеры, комиссары, начальники (руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX–XX вв.). Томск, 1999. С. 90.

¹⁰ События в Томске // Сибирский вестник. 1905. 26 октября.

¹¹ Шиловский М. В. Томский погром... С. 15.

¹² О заметном стремлении «свалить ответственность на толпу» см.: Александровский С. В. Указ. соч. С. 156.

¹³ Это слово являлось синонимом каторжника (Ремнёв А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004. С. 434).

¹⁴ Томская хроника // Сибирская жизнь. 1905. 16 октября.

¹⁵ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 129.

¹⁶ Историки насчитывают в начале XX в. более шести сотен погромов: Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М., 2005. С. 57; Lambroza Sh. The Tsarist Government and the Pogroms of 1903–1906 // Modern Judaism. Vol. 7. 1987. № 3. P. 287.

¹⁷ Томская хроника // Сибирские известия. 1905. 28 октября.

¹⁸ Хроника октябрьских событий. Приложение к «Праву» // Право. 1905. № 48–49. Стб. 157.

¹⁹ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 237.

гичных эксцессов Первой русской революции. Писали про 1150 убитых и сгоревших при 76 тяжелораненых²⁰, про 1200 пострадавших²¹. Тобольский «Сибирский листок» по «частным» каналам узнал о тысяче погибших²². Томский корреспондент сообщал в иркутском «Восточном обозрении» о «200 перебитых на улице», ещё столько же будто бы скончались в огне²³.

Информационный голод в городе и его удалённость от внешнего мира лишь распалили воображение и усиливали страхи. Наиболее популярные местные газеты — «Сибирский вестник» и «Сибирская жизнь» — перестали выходить ещё 16 октября и возобновили выпуск только 25 и 26 октября соответственно, железнодорожное сообщение восстановилось 24 октября²⁴, почта и телеграф работали с перебоями. Дефицит сведений и доверие слухам, зачастую недостоверным и утрированным, не могли не воздействовать на психику жителей²⁵. По свидетельству очевидца, город пережил «что-то вроде Варфоломеевской ночи»²⁶. В результате, как вспоминал Г.С. Рассохин, томичи надолго потеряли взаимное доверие: «Встречаясь на улице, люди подозрительно оглядывали друг друга, держа в кармане наготове оружие. Каждый видел в другом зверя, готового броситься на тебя без всякой причины»²⁷. Испуг, разумеется, вредил результативности следствия. 29 октября один из наблюдавших за томской трагедией предупредил прокурорских чиновников о том, что её участники едва ли дадут откровенные показания, поскольку слишком боятся мести погромщиков²⁸.

При этом ранее судебные деятели края практически не сталкивались с преступлениями, связанными с проявлениями антисемитизма. В губернии, находившейся далеко за чертой оседлости, иудеи мирно сосуществовали с представителями иных конфессий. П.В. Вологодский — адвокат, которого томские жандармы считали одним из виновников кровопролития²⁹, представлявший затем интересы гражданских истцов на процессе 17–28 августа 1909 г.³⁰, — уже будучи главой правительства А.В. Колчака, заявлял, что в Сибири «никогда не было и нет еврейского вопроса». Антисемитскую истерию, характерную для томской бойни 1905 г., он объяснял не укоренившейся ненавистью сибиряков к евреям, а случайным стечением обстоятельств, «искусственно созданным чёрной сотней»³¹.

²⁰ Обнинский В.П. Полгода русской революции. Сборник материалов к истории русской революции (октябрь 1905 — апрель 1906 г.). Вып. 1. М., 1906. С. 42, 44.

²¹ Октябрьские дни в Томске. Описание кровавых событий 20–23 октября. Томск, 1905. С. 64.

²² Городская хроника // Сибирский листок. 1905. 30 октября.

²³ Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 ноября.

²⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 3, д. 4, л. 200.

²⁵ Говоря о последствиях знаменитого кишинёвского погрома 1903 г., Э. Джадж отметил: «Страх, гнев и возмущение охватили жителей. Нельзя было стереть из памяти то, что одна часть населения набросилась на другую с дикой яростью, нельзя было также вернуться к нормальной жизни, не ответив на болезненные вопросы. Почему это случилось? Что нужно сделать, чтобы не допустить этого вновь? И наиболее волнующий: кто виноват в том, что произошло?» (Джадж Э. Пасха в Кишинёве. Анатомия погрома. Кишинёв, 1998. С. 88).

²⁶ Томское преступление // Восточное обозрение. 1905. 1 ноября.

²⁷ Рассохин Г.С. События в Томске в октябре 1905 г. Томск, 1917. С. 15.

²⁸ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 15 об.

²⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб), ф. 2297, оп. 1, д. 18, л. 1.

³⁰ Подробнее см.: Крестьянников Е.А. К «истории человеческих жертвоприношений»: П.В. Вологодский и томский погром 1905 г. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 115–127.

³¹ ГА РФ, ф. Р-193, оп. 1, д. 2, л. 29.

На расследование, безусловно, сильнее всего влияло то, что служащие судебных учреждений являлись непосредственными участниками столкновений, происходивших в те трагические дни. Ещё 18 октября на Соляной площади, где размещался Томский окружной суд, они вступились за антиправительственно настроенных учащихся, защищая их от казацких нагаек. Тогда казаки избили Вологодского, а Витте, дабы избежать дальнейших побоев, лично провожал молодёжь до городского управления. На следующий день на совещании у губернатора именно Витте ультимативно потребовал от Азанчевского-Азанчеева создания милиции и затем обсуждал вместе с ним, городским головой и прокурором Томского окружного суда А.Г. Беляевым кандидатуру нового полицмейстера, который занял бы место Никольского, дискредитировавшего себя применением насилия³².

Из донесений начальника Томского губернского жандармского управления С.А. Романова известно, что Беляев накануне кровопролития настоял на освобождении политических арестантов³³. 20 октября Беляеву и Витте, проходившим вместе с Азанчевским-Азанчеевым сквозь «патриотическую» манифестацию на Соборной площади, угрожали расправой³⁴. Та же толпа требовала выдать ей для самосуда Вологодского³⁵, дом которого чудом избежал разгрома³⁶.

Грандиозное преступление потребовало масштабного расследования. По данным прокуратуры, к 9 февраля 1906 г. было вскрыто 56 трупов и произведён осмотр обгоревших костей и останков, осмотрено около 50 разорённых зданий, допрошено около 800 потерпевших и свидетелей, а 19 человек привлечены в качестве обвиняемых. К 13 апреля 1907 г. опрошенными считались свыше тысячи свидетелей, а в представлении товарища прокурора Х.Д. Брюхатова прокурору Томского окружного суда Н.А. Русанову 16 июля 1908 г. говорилось про 106 обвиняемых. Материалы предварительного следствия при передаче их Русанову следователем Н.Ф. Бончковским 18 июля того же года составили 20 томов³⁷. Ожидалось, что в августе 1909 г. перед судом предстанут 85 человек³⁸, хотя в действительности на скамье подсудимых их оказалось всего 68³⁹.

Со всех концов страны звучали призывы провести следствие как можно быстрее и, строго соблюдая законность, обнаружить истинных виновников беспорядков. Известный в Тобольске В.Ф. Костюрин писал: «Только суд, суд скорый, правый, открытый, не потворствующий ни подстрекателям, ни попустителям, ни несчастным участникам этого злодеяния, не ведавшим, что творят, может успокоить возмущённую общественную совесть»⁴⁰. «Сибирский вестник» напоминал, что «общественная совесть Томска взволнована, она измучена и ищет успокоения в правдивом суде над виновниками ужасов»⁴¹.

³² ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 179, л. 3, 6.

³³ Там же, ф. Д-144, оп. 1, д. 33, л. 5.

³⁴ Там же, ф. П-5, оп. 2, д. 152, л. 6.

³⁵ Там же, д. 166, л. 2.

³⁶ По свидетельству Макушина, у Вологодского находились на постое несколько солдат, которые дали отпор грабителям (Государственная дума. Стенографические отчёты. 1906 год. Сессия первая. Т. II. Стб. 1811).

³⁷ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 26–26 об., 35, 59, 60.

³⁸ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году (Отчёт о судебном заседании Томского окружного суда). Томск, 1909. С. 2.

³⁹ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 32.

⁴⁰ Костюрин В.Ф. Томская трагедия // Сибирский листок. 1905. 27 октября.

⁴¹ К суду // Сибирский вестник. 1905. 16 ноября.

Никогда ещё судебная система не сталкивалась в Сибири со столь резонансным и болезненным делом.

Между тем первые шаги демонстрировали растерянность и даже беспомощность предварительного следствия. Формально оно началось 21 октября⁴², хотя отдельные следственные действия производились уже 20 октября. Так, по воспоминаниям Александровского (в момент бойни являвшегося членом Томского окружного суда), чудом выжившего в тот день железнодорожного архитектора Б.Ф. Татарчука сразу же допросил в районе Соборной площади участковый судебный следователь Иващенко. Спасшийся рассказал об убийстве у здания железнодорожного управления двух инженеров — М.У. Шварца и И.Ф. Клионовского⁴³.

Дело сразу же было возбуждено «по непосредственному усмотрению судебного следователя» (ст. 297 Устава уголовного судопроизводства), но из-за эскалации насилия 20 октября Иващенко ничего больше предпринять уже не мог. На следующий день губернатор предложил ему возобновить следствие, действуя на основании «сообщений полиции, присутственных мест и должностных лиц»⁴⁴. Но в формах «уведомления о начатии нового дела» Иващенко, скорее всего, по инерции записал «по предложению прокурора суда»⁴⁵, придерживаясь тем самым одного из наиболее распространённых способов дать ход расследованию. Однако прокурор, якобы давший такую санкцию, вряд ли мог это сделать. По наблюдениям Макушина, 20 октября Беляев в панике «бегал, схватясь за голову», вокруг губернатора⁴⁶, а затем, как утверждал профессор юридического факультета Томского университета И.А. Малиновский, самовольно спешно покинул город⁴⁷. Согласно воспоминаниям Г.Н. Потанина, это произошло в ночь на 21 октября⁴⁸. Действительно, после кровавых событий имя Беляева исчезло из документов, а его обязанности временно исполнял А.К. Висковатов. В середине ноября в Томск из Семипалатинска приехал Русанов⁴⁹, исправлявший с тех пор должность прокурора Томского окружного суда. Именно он выступал с обвинением на процессе над погромщиками в августе 1909 г.⁵⁰

Обстановку, в которой начиналось расследование, передаёт рапорт Азанчевского-Азанчеева министру внутренних дел. Когда 20 октября на Со-

⁴² ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 60; ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 154, л. 15.

⁴³ Александровский С.В. Указ. соч. С. 154–155. В донесении начальника Сибирской железной дороги В.А. Штукенберга в Министерство путей сообщения, направленном 30 октября, они действительно числились среди раненых и убитых (ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 147, л. 4–4 об.).

⁴⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 154, л. 15.

⁴⁵ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 8–9.

⁴⁶ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 179, л. 9.

⁴⁷ Малиновский, безусловно, хорошо знал, что происходило в местном судебном сообществе. В своих воспоминаниях он упоминал среди «близких» ему людей Витте, Вологодского, Александровского и др. (Императорский Томский университет в воспоминаниях современников / Сост. С.Ф. Фоминых. Томск, 2014. С. 294–295). К тому же с 8 ноября 1905 г. профессор стал также одним из редакторов «Сибирской жизни» (Жиякова Н.В., Шевцов В.В., Евдокимова Е.В. Периодическая печать Томской губернии (1857–1916): становление журналистики и формирование регионального самосознания. Томск, 2015. С. 136). См. также: Малиновский И.А. Кровавая месть и смертные казни. Вып. 2 Томск, 1909 С. 70.

⁴⁸ Рассказ Григория Николаевича Потанина о томских событиях в октябре 1905 г. (записано с его слов М.Х. Свентицкой) // Каторга и ссылка. Историко-революционный сборник. 1925. № 7. С. 64.

⁴⁹ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 31 об., 72–72 об.

⁵⁰ Дело о погроме в г. Томске в 1905 году. С. 1.

борной площади губернатор обещал манифестантам предать милиционеров суду, он этим только «раздражал» толпу, отвечавшую выкриками о недоверии юстиции⁵¹. Некоторые судебные служащие в те дни просили выделить им охрану. В частности, один из мировых судей Томска И.В. Михайловский (в последующем профессор Томского университета и выдающийся юрист-теоретик, внесший существенный вклад в разработку либеральной теории уголовного процесса как системы гарантий личности⁵²) 21 октября обратился с таким ходатайством к военным властям, но получил отказ⁵³. Для охраны здания окружного суда, где располагалась камера Иващенко, губернатор выставил два воинских караула, ещё один находился у квартиры судебного следователя⁵⁴.

«Патриоты» долго ещё продолжали нагнетать страх. В начале зимы 1905 г. в Томске стали обнаруживаться рукописные прокламации, призывавшие горожан 6 декабря собраться и устроить погром, дав отпор «крамольникам», которые будто бы планировали убить губернатора и архиерея, сжечь некоторые районы города и его предместья и т.п. Говорилось также, что революционеры «следователя Соболева (почему-то именно фамилия прокурора Омской судебной палаты ассоциировалась у обывателей с расследованием. — Е.К.) просили побольше черни и мещан посадить в тюрьму»⁵⁵. Панические настроения быстро распространялись, но на деле ничего не произошло, и А.П. Явцев, исполнявший после отставки Никольского обязанности полицмейстера, увидел в листовках провокацию, направленную на то, «чтобы вызвать и поддержать всеобщее волнение среди мирного населения города»⁵⁶.

По сообщениям газет, Иващенко вёл расследование «энергично», принимая потерпевших и свидетелей ежедневно с 10 часов утра до 6 вечера⁵⁷. Однако всё делалось в чрезвычайной спешке, и требования закона при составлении протоколов не всегда соблюдались. Как отмечал в феврале 1906 г. Рusanов, тогда «по приказанию следователя к нему являлись целые толпы народа для дачи показаний, последние записывались самими потерпевшими и свидетелями», и наблюдение прокуратуры за правильностью процедур было «совершенно невозможным»⁵⁸. Неразбериха на начальном этапе следствия вызвала позднее критику П.Ф. Булацеля, защищавшего погромщиков на судебном процессе в августе 1909 г.⁵⁹, стала одной из причин нечёткости обвинительного акта⁶⁰ и способствовала затягиванию всего дела. В итоге суд состоялся только через

⁵¹ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 152, л. 6.

⁵² *Чельцов-Бebutov М.А.* Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 823; Профессора Томского университета. Биографический справочник / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Вып. I. Томск, 1996. С. 165–167.

⁵³ ГА НО, ф. П-5, оп. 3, д. 4, л. 190.

⁵⁴ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 91.

⁵⁵ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 232, л. 1.

⁵⁶ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 249 об.–250.

⁵⁷ Томская хроника // Сибирские известия. 1905. 26 октября; Местная хроника // Сибирский вестник. 1905. 25 октября.

⁵⁸ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 23 об.

⁵⁹ Знаменитый адвокат и один из лидеров российских черносотенцев указал на заметные пробелы в информации о допросах на предварительном следствии (Дело о еврейском погроме в Томске 20–22 октября 1905 г. // Сибирская правда. 1909. 7 ноября).

⁶⁰ Например, «Биржевые ведомости» указывали на «некоторые неясности обвинительного акта» на августовском процессе 1909 г. (Томский погром // Биржевые ведомости (утренний выпуск). 1909. 3 сентября).

три года и десять месяцев, что явно не соответствовало нормам скорого правосудия и практике того времени. К примеру, процесс о кишинёвском погроме, вполне сопоставимом с томским, начался 6 ноября 1903 г. — ровно через полгода после кровавых событий⁶¹. Участников погрома 18 и 19 апреля 1905 г. в Мелитополе судили с 24 февраля 1906 г.⁶² Процесс о погроме в Симферополе, случившемся одновременно с томским и схожем по числу убитых, шёл в мае 1907 г.⁶³ Обвинительный акт, окончивший сложное предварительное следствие по делу о киевском погроме в октябре 1905 г., был готов 10 марта 1907 г.⁶⁴

В Томске ситуация заметно осложнялась из-за нехватки опытных и профессиональных кадров. В Министерстве юстиции в конце XIX в. на судебном штате в Сибири предпочли сэкономить⁶⁵. В частности, огромная губерния располагала лишь семью судебными следователями, что было совершенно недостаточно, поскольку количество расследуемых дел неуклонно и быстро увеличивалось⁶⁶. До передачи летом 1906 г. по предложению Соболева дела о погроме судебному следователю по особо важным делам при Омском окружном суде Бончковскому производство по нему вели местные участковые следователи и даже лица, лишь исполнявшие обязанности по этой должности. Так, в феврале 1906 г. оно оказалось в руках у добавочного мирового судьи А.В. Яблонского-Шавровского, занимавшегося им одновременно с другими делами по подведомственному ему участку⁶⁷. Его служебный опыт являлся мизерным и совершенно не гарантировал профессионализма. Родившись в 1878 г., он окончил в 1902 г. Томский университет и по-настоящему самостоятельную судебскую должность — мирового судьи 5-го участка Барнаульского уезда Томской губ. — занял только 25 мая 1905 г.⁶⁸ Впрочем, Бончковский был его старше всего на два года и к тому же пользовался незавидной репутацией. 7 апреля 1909 г. прокурор Омской судебной палаты В.В. Едличко даже вынужден был заявить в рапорте директору II департамента Министерства юстиции Н.М. Демчинскому: «Систематическое проявление лживости, как в личных объяснениях, так и в официальных уведомлениях г. Бончковского, я считаю недопустимым и несовместимым с дальнейшим исправлением г. Бончковским должности судебного следователя по особо важным делам»⁶⁹.

25 ноября 1905 г. министр юстиции С.С. Манухин разослал циркуляр, в котором требовал передать ведение предварительного следствия по делам, «сопряжённым с происходящими в различных местностях империи беспоряд-

⁶¹ Джадж Э. Указ. соч. С. 62, 88, 123.

⁶² Особое присутствие Одесской судебной палаты. Дело о погроме 18 и 19 апреля 1905 г. в г. Мелитополе. Мелитополь, 1906.

⁶³ Клейнершехет И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчёт с иллюстрациями на отдельных листах. Симферополь, 1907.

⁶⁴ Коллекция печатных записок Научно-справочной библиотеки РГИА. № 309. Обвинительный акт [по делу о киевском погроме]. С. 56.

⁶⁵ См.: Крестьянников Е.А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX — начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34.

⁶⁶ Сводную статистику см.: Крестьянников Е.А. Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень, 2009. С. 239. К 1909 г. в производстве у томских следователей оставалось дел больше, чем в любом другом судебном округе империи, каких насчитывалось более сотни (Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 24. Ч. 1. СПб., 1910. С. 132–135; Ч. 2. СПб., 1910. С. 40–41).

⁶⁷ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 24 об., 30–33.

⁶⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 545, д. 16143, л. 91, 95 об.

⁶⁹ Там же, оп. 544, д. 1397, л. 43.

ками и смутами», членам окружных судов⁷⁰. Русанов, исполняя данное распоряжение, 21 декабря 1905 г. и 7 февраля 1906 г. обращался в окружной суд, добиваясь, чтобы тот, «ввиду сложности дела» об октябрьской трагедии, назначил для расследования кого-нибудь из своих членов. Однако прокурору оба раза категорически отказали, сославшись на чрезвычайную загруженность текущей работой.

18 августа 1908 г. прокуратура передала дело о погроме в Томский окружной суд, но рассмотреть его там смогли только через два с лишним месяца — 24 октября. Председатель суда гр. М.А. Подгоричани-Петрович объяснял задержку отсутствием судей, находившихся в служебных разъездах⁷¹.

Серьёзные затруднения возникли и при проведении судебно-медицинской экспертизы. Старший врач больницы общественного призрения уже утром 21 октября сообщил губернатору: «Мы все дошли до полного изнеможения. Не достаёт врачей, санитаров, перевязочных материалов, матрацев, провизии»⁷². В начале следствия вскрытием трупов занимался опытный и авторитетный врач Грацианов. По общему мнению мировых судей и судебных следователей Томска, «его блестящие, всегда ясно, вполне объективно изложенные заключения беспристрастно служили высоким целям правосудия»⁷³. Очевидцы констатировали, что он «заносил в протокол вскрытия фактические причины смерти, указывая у многих погибших пулевые и штыковые раны»⁷⁴. Однако подобные результаты экспертизы, указывавшие на причастность войск, могли дать следствию совершенно нежелательное для властей направление. 24 октября Азанчевский-Азанчеев потребовал от томского губернского врачебного инспектора уволить Грацианова и запросил у товарища министра внутренних дел Д.Ф. Трепова разрешение убитых «хоронить без вскрытия ввиду явного насилия»⁷⁵. По словам Потанина, Никольский также добивался отстранения Грацианова, а сменивший его доктор тотчас вступил в «войну» с Витте⁷⁶.

Среди заступников врача, увидевших в его увольнении «явную угрозу правосудию со стороны администрации», находился Ивашенко⁷⁷, который также установил, что солдаты стреляли по горожанам⁷⁸. Но и следователь продержался на своём посту ненамного дольше. Соболев счёл нежелательным поручать ему расследования по государственным преступлениям из-за политической неблагонадёжности⁷⁹ и настоял на его отстранении, о чём 14 февраля 1906 г. министр юстиции М.Г. Акимов официально уведомил старшего председателя Омской судебной палаты А.А. Кобылина. В сентябре 1909 г. Едличко указывал Демчинскому на то, что «заподозренного в пристрастии» Ивашенко отстранили от должности «неправильно». Об этом, по мнению прокурора, свидетельствовало

⁷⁰ ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 3, д. 3, л. 281–282.

⁷¹ Там же, д. 7, л. 22, 27–29, 73. Подробнее о выездных сессиях см.: *Krestiannikov E.A. Along the Routes of Justice: Judicial Circuit Riding in Western Siberia during the Late Imperial Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 20. 2019. № 2. P. 315–344.*

⁷² ГА НО, ф. П-5, оп. 3, д. 4, л. 190.

⁷³ К событиям дней // Сибирский вестник. 1905. 26 ноября.

⁷⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 170, л. 11.

⁷⁵ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 111, 119.

⁷⁶ Рассказ Григория Николаевича Потанина... С. 64.

⁷⁷ К событиям дней // Сибирский вестник. 1905. 26 ноября.

⁷⁸ *Александровский С.В.* Указ. соч. С. 156.

⁷⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 537, д. 235, л. 1–3 об.

уже то, что судебный следователь, удалённый из Томска, через несколько лет занимал точно такой же пост в Варшаве⁸⁰.

Лишился своей должности и Витте, убеждённый в том, что это случилось «в явное нарушение основного закона о несменяемости судей». 5 января 1906 г. находившийся в Омске степной генерал-губернатор и командующий войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотин, наделённый к тому времени чрезвычайными полномочиями, по телеграфу распорядился устранить его на всё время действия военного положения от исполнения обязанностей председателя суда и предложил ему в течение 48 часов выехать из Сибири, грозя в случае промедления применить силу. Когда 14 января Витте добрался до столицы, он узнал, что уже 11 января состоялось его «увольнение от службы без прошения»⁸¹. Для сибирской юстиции это стало существенной потерей. Выпускник Императорского Училища правоведения⁸², о служебных и нравственных качествах которого лестно отзывались начальники (в том числе и будущие министры юстиции Н.В. Муравьёв и Акимов), он к тому же давно знал Томск, где уже побывал товарищем губернского прокурора в 1885–1887 гг. и губернским прокурором в 1894–1897 гг.⁸³ Сменивший его 10 февраля 1906 г. гр. Подгоричани-Петрович, за долгое время дослужившийся лишь до поста товарища прокурора Варшавского окружного суда⁸⁴, заметно уступал своему предшественнику.

Следует учитывать, что томский погром и начальная стадия его расследования происходили на пике революционных событий в стране. Само кровопролитие 20–22 октября в интерпретациях и монархистов, и их противников представлялось проявлением контрреволюции. Черносотенное «Вече» видело в томичах-погромщиках «честных русских людей, возмущённых дерзким поруганием своих заветных святынь, оскорблённых в лучших своих чувствах, обрушившихся в праведном гневе на врагов св[ятой] Церкви и царя и заставивших их стихнуть»⁸⁵. Правый «Свет» писал, что 20 октября в Томске «народ восстал против мятежной интеллигенции и учинил ей форменный погром»⁸⁶. По мнению же либералов, «громили тогда не здание железнодорожного управления, но то, что могло спасти Россию, сделать её культурным, конституционно-правовым государством, а россиян из бесправных рабов — полноправными гражданами, которые знают цену отечеству и готовы биться за неё до последней капли крови»⁸⁷.

При этом черносотенцы в томских судебных деятелях видели опору революционного движения. В.М. Пуришкевич, 4 мая 1912 г. вспоминая на трибуне Государственной думы о событиях 1905 г., назвал членов Томского окружного суда «носителями либеральных идей», а всех подчинённых ему служащих приписал к «левым»⁸⁸. В правой прессе после судебного процесса в августе 1909 г. утверждалось, что во главе местного революционного движения накануне погрома стояли «социал-демократы, а за ними шла в хвосте вся интеллиген-

⁸⁰ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 31–31 об., 72 об.

⁸¹ Хроника // Право. 1910. № 10. Стб. 617–618.

⁸² Памятная книжка Императорского Училища правоведения на учебный 1915–1916 г. Пг., 1915. С. 148.

⁸³ Государственный архив Иркутской области (далее — ГА ИО), ф. 245, оп. 5, д. 67, л. 1–8.

⁸⁴ ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 222, л. 71–72 об.

⁸⁵ Москва, 6 сентября // Вече. 1909. 6 сентября.

⁸⁶ Дело о томском погроме // Свет. 1909. 5 сентября.

⁸⁷ Розенберг Д. 20 октября 1905 г. // Народная газета. 1918. 2 ноября.

⁸⁸ Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчёты 1912 г. Сессия пятая. Т. IV. СПб., 1912. Стб. 459, 461.

ция с судебными и иными чиновниками». Заявлялось даже, будто «судебные следователи, вооружавшие 19 октября республиканскую милицию, 23 октября вступили в исполнение своих служебных обязанностей и, как власть имеющие, обвиняли патриотов в погроме и отправляли их в тюрьму»⁸⁹. Витте изображался революционером, оказывавшим давление на расследование⁹⁰.

Основания для подобных предположений имелись. В Томске юристы, включая чиновников судебного ведомства, представляли собой достаточно сплочённое объединение, членов которого связывали не только организации, но и крепкие негласные конвенции. Сравнительно небольшой город имел молодой юридический факультет университета⁹¹ с либерально и даже революционно настроенными профессорами-правоведами⁹², окружной суд с квалифицированными судебными чиновниками, присяжных поверенных, мировых судей, прокуроров, судебных следователей. В удалении от столицы и от таких же профессиональных групп в других частях империи, не имея в Сибири собственных корпоративных органов (например, у адвокатуры отсутствовали советы присяжных поверенных⁹³), томские юристы демонстрировали устойчивое стремление к объединению друг с другом на основе обособленности и независимости судебного ведомства.

Многие из них входили в образованное в 1901 г. Юридическое общество при Томском университете⁹⁴, что делало его уникальным⁹⁵. Неудивительно, что оно включало и лиц, непосредственно причастных к погрому и его расследованию. В частности, Вологодский исполнял в нём важную обязанность казначея⁹⁶. Активнейшим деятелем этого союза являлся Витте. В 1902 г. обще-

⁸⁹ Эту версию излагали несколько черносотенных газет: Дело о томском погроме // Свет. 1909. 5 сентября; Москва, 6 сентября // Вече. 1909. 6 сентября; Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сентября.

⁹⁰ К делу о погроме // Томские епархиальные ведомости. 1909. 1 сентября.

⁹¹ Юридический факультет при Томском университете учреждён 29 декабря 1897 г. (ПСЗ-III. Т. 17. СПб., 1900. № 14841).

⁹² К примеру, профессор М.А. Рейснер в томский период деятельности эволюционировал из либерала в революционера, открыто поддержал студенческую забастовку в 1901 г. и через два года был уволен без права преподавания в России. Затем он сблизился с большевиками, став после их прихода к власти разработчиком ряда ключевых идей советской юриспруденции (Профессора Томского университета. С. 204–207; Юристы и революция: Pro et Contra / Сост. С.М. Шахрай, К.П. Крачковский. М., 2017. С. 218–243). Малиновский публично призывал к революции. В частности, 27 декабря 1908 г. на заседании Санкт-Петербургского юридического общества он настаивал на том, что «необходима ликвидация старого режима и установление такого нового строя, при котором права гражданина признавались бы за всем населением, и при котором была бы гарантирована охрана этих прав государством» (Доклад И.А. Малиновского «Кровавая месть и смертная казнь» // Труды Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. Т. 1. СПб., 1910. С. 52–71).

⁹³ Учреждение советов присяжных поверенных было приостановлено 5 декабря 1874 г. (ПСЗ-II. Т. 49. СПб., 1876. № 54130), а при организации в конце XIX в. адвокатуры в Сибири чиновники Министерства юстиции решили не предпринимать «отступлений от общих по сему предмету постановлений» (Государственный архив в г. Тобольске, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 138).

⁹⁴ О деятельности и составе общества см.: Некрылов С.А. Научные общества в Томском университете в дореволюционный период. Томск, 2013. С. 75–139, 243–245.

⁹⁵ О развитии юридических обществ в Российской империи см.: Tissier M. Les sociétés juridiques dans l'Empire Russe au tournant du XXe siècle. Professionnalisation des juristes et culture juridique // Cahiers du Monde Russe. Vol. 51. 2010. № 1. P. 5–34.

⁹⁶ Отчёт о состоянии Императорского Томского университета за 1901 г. Год пятнадцатый. Томск, 1902. С. 150.

ство направило его своим делегатом на Международный съезд криминалистов, а в феврале 1905 г., когда университет пришлось закрыть, Витте предоставил для заседаний общества помещение окружного суда. В мае он принимал участие в подготовке проекта о введении в Сибири земства⁹⁷, что в тот момент свидетельствовало об антиправительственном характере его деятельности.

Одним из основателей общества являлся профессор М.Н. Соболев⁹⁸, по словам его биографов — «заметная фигура либерального движения»⁹⁹. Он приходился родным братом прокурору Омской судебной палаты. Едличко и Русанов отмечали, что взгляды братьев Соболевых существенно различались, поскольку Николай Николаевич придерживался консервативных убеждений¹⁰⁰. Но для правой прессы их родственная связь являлась чуть ли не прямым доказательством пристрастности при расследовании томского погрома¹⁰¹.

Любопытно, что пути Н.Н. Соболева и А.В. Витте во многом совпадали. Оба окончили с интервалом в год Училище правоведения, и, прослужив несколько лет в разных местах, они потом одновременно занимали должности товарищей прокурора сначала Луцкого, а затем — Тверского окружного суда. После судебной реформы в Сибири оба оказались заместителями прокурора Иркутской судебной палаты Кобылина¹⁰². В 1901 г. он возглавил Омскую судебную палату¹⁰³, снова став начальником Соболева и Витте.

Впрочем, всё это не мешало Соболеву во время расследования томского погрома неоднократно жаловаться в Министерство юстиции на Кобылина, который будто бы «впал в совершенный рамолисмент», «одрыхлел» и не способен управлять судебным округом. Дело дошло до того, что, по мнению Соболева, «в Омской судебной палате по преступным деяниям государственным правосудия не существовало»¹⁰⁴. Врачи 28 марта 1907 г. диагностировали у старшего председателя палаты склероз, эмфизему лёгких, гипертрофию предстательной железы и т.д., а за три недели до медицинского освидетельствования с ним даже случился апоплексический припадок. Поэтому чиновнику рекомендовалось отказаться от умственного труда и служебных обязанностей¹⁰⁵.

Вологодский, игравший видную роль в «мятежной» городской думе, в конце XIX в. служил в семипалатинской прокуратуре под руководством Висковатова, с 27 октября по 18 ноября 1905 г. исполнявшего обязанности прокурора Томского окружного суда (и специально командированного для этого из Омска). Пётр Васильевич всегда сохранял уважение к своему бывшему начальнику и незадолго до смерти вспоминал о нём как о «строгом и взыскательном прокуроре», перед которым «трепетали» полицейские и кого «высшие административные чины недолюбливали» и «побаивались»¹⁰⁶. В 1894–1896 гг. будущий

⁹⁷ Некрылов С.А. Научные общества... С. 103–104, 114, 119–120.

⁹⁸ 2 марта 1900 г. он вместе с другими профессорами-правоведами (включая Рейснера и Малиновского) подал в совет Томского университета прошение разрешить юридическое общество, тем самым начав процесс по учреждению этой организации (ГА ТО, ф. Ф-102, оп. 1, д. 227, л. 1–1 об.).

⁹⁹ Грузинов А.С., Савченко М.М. «История учит» // Соболев М.Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Ч. 1. М., 2012. С. 18.

¹⁰⁰ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 133, л. 31 об., 72 об.

¹⁰¹ Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сентября.

¹⁰² РГИА, ф. 1405, оп. 544, д. 2224, л. II; оп. 545, д. 12451, л. 5–8 об.

¹⁰³ ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 110, л. 30 об., 31 об.–32.

¹⁰⁴ РГИА, ф. 1405, оп. 537, д. 235, л. 4, 6 об.

¹⁰⁵ ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 110, л. 48–48 об., 62.

¹⁰⁶ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 299, л. 53.

томский адвокат и политический деятель неоднократно заменял Висковатова, пока тот отъезжал по делам или бывал в отпуске¹⁰⁷.

Иными словами, заинтересованные в исходе следствия городской голова Макушин и думские гласные Витте, Вологодский и Грацианов имели возможность оказывать на него давление в силу своих должностей, связей и авторитета¹⁰⁸. Они были известны как филантропы и уважаемы добропорядочными горожанами. Так, Грацианов избирался председателем Общества попечения о начальном образовании¹⁰⁹, Вологодский стоял у руля Томской юридической консультации, где бедняки могли дёшево, а иногда и бесплатно получить помощь¹¹⁰. Витте в 1895 г., будучи томским губернским прокурором, инициировал создание Томского общества земледельческих колоний и ремесленных приютов для забот о малолетних преступниках¹¹¹, чем прославился на всю страну как «гуманный администратор»¹¹².

Витте чтит независимость суда и мог дерзко вести себя с представителями администрации. В 1898 г., исполняя обязанности товарища прокурора Иркутской судебной палаты, он настроил против себя начальство Восточной Сибири. Иркутский губернатор И.П. Моллериус жаловался на его вызывающее поведение иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину, и тому пришлось просить министра юстиции Муравьёва указать судейским чиновникам их место¹¹³. Весьма символично, что 24 декабря 1896 г. в своём первом письме Вологодскому (с которого началось их тогда ещё заочное знакомство) Витте неприязненно отзывался о семипалатинском губернаторе как о самодуре¹¹⁴.

Вологодский, имея огромное влияние на жизнь томского общества, активно участвовал в революционном движении. Он стал организатором банкета, состоявшегося 12 января 1905 г.¹¹⁵ и вызвавшего всплеск антиправительственных действий в городе. Местные жандармы считали адвоката главой томских эсеров¹¹⁶, а в его квартире видели штаб сторонников революции¹¹⁷. Именно в ней 28–29 августа в присутствии Витте прошёл съезд сепаратистской по духу организации — Сибирского областного союза¹¹⁸. А за десять дней до этого, 18 августа, Вологодский доказывал в думе, поддерживая её председателя, что «современная постановка института городской полиции не только не соответствует настоящим требованиям современной действительности, но даже

¹⁰⁷ РГИА, ф. 1405, оп. 544, д. 2205, л. 90, 97, 111.

¹⁰⁸ Характерно, что все они, как и ещё 37 человек, были включены, вероятно, жандармами в конце 1905 г. в список «Организаторы революционного движения в Томске» (ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 351, л. 1–2).

¹⁰⁹ Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / Под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 90.

¹¹⁰ *Крестьянников Е.А.* П.В. Вологодский и дело юридической помощи в Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 422. С. 113–122.

¹¹¹ *Иванюков И.И.* Очерки провинциальной жизни // Русская мысль. 1896. № 6. С. 162; Хроника // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 6. С. 231–233.

¹¹² Корреспонденции «Енисей». Томск // Енисей. 1897. 7 декабря.

¹¹³ ГА ИО, ф. 25, оп. 6, д. 190, л. 1–13.

¹¹⁴ ЦГИА СПб, ф. 2297, оп. 1, д. 12, л. 22–23 об.

¹¹⁵ ГИА ОО, ф. 190, оп. 1, д. 55, л. 1.

¹¹⁶ ЦГИА СПб, ф. 2297, оп. 1, д. 18, л. 1.

¹¹⁷ *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* Общественно-политическая жизнь в Томской губернии в 1880 — феврале 1917 г. Хроника. Томск, 2013. С. 20.

¹¹⁸ *Шиловский М.В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 162–163.

иногда противоречит им, а поэтому полиция должна быть выборной и существовать на основе общественного контроля»¹¹⁹.

После кровавых событий, как писал Трепову 24 октября Азанчевский-Азанчеев, «революционеры притихли, но озлоблены пожаром и еврейским погромом»¹²⁰. В тот же день губернатор, стремясь установить контроль над расследованием, уволил без всякого объяснения причин Грацианова¹²¹, а Никольский выписал постановление о «предварительном аресте при тюрьме» Макушина¹²², которого ещё 20 октября задержали, спасая от ярости толпы. Полицмейстер произвёл арест на основании ст. 29 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 14 августа 1881 г., т.е. по «подозрению в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним»¹²³. Однако 30 октября приехавший из Омска прокурор Соболев немедленно освободил Макушина, и тот, по совету Витте, чтобы впредь не подвергаться полицейскому произволу, покинул город¹²⁴.

8 ноября 1905 г. император снял с должности Азанчевского-Азанчеева¹²⁵, и антиправительственные силы сразу же развернули кампанию против него. В этом особенно усердствовал «Сибирский вестник» — газета, которую жандармы считали подконтрольной Вологодскому¹²⁶. 16 ноября там вышли сразу три материала, обличавших виновников октябрьской катастрофы. В одной из публикаций прямо говорилось: «Мы обвиняем губернатора Азанчевского в том, что, желая помешать коронному суду в раскрытии правды о действиях представителей администрации, он удалил без объяснения причин городского врача Грацианова, дававшего при медицинской экспертизе правдивые показания о штыковых ранах и пулях солдатского калибра»¹²⁷. Тогда же Витте вопреки принципу презумпции невиновности возложил ответственность за организацию погрома на главу томского мещанского общества С. Самгина-Косицина. Тем самым, как позже возмущалась правая пресса, косвенно вина за беспорядки как-бы возлагалась на всех мещан Томска¹²⁸.

20 ноября «Сибирская жизнь» опубликовала резолюцию железнодорожных служащих, которые требовали предать суду Азанчевского-Азанчеева как «главного виновника» трагедии. Железнодорожники усматривали в кровопролитии «исполнение заранее составленного плана», задуманного местной администрацией, а губернатора называли «душой всего события»¹²⁹. В том же выпуске газеты в анонимной передовой статье (учитывая характер аргументации, напи-

¹¹⁹ Журналы и постановления Томской городской думы // Известия Томского городского общественного управления. 1905. № 35–36. С. 266–267.

¹²⁰ ГА ТО, ф. Ф-3, оп. 70, д. 2643, л. 119.

¹²¹ 26 ноября 1905 г. на собрании томских врачей даже было принято решение потребовать от администрации объяснения причин данного увольнения (Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1905. 29 ноября).

¹²² ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 1.

¹²³ ПСЗ-III. Т. 1. СПб., 1885. № 35.

¹²⁴ ГА НО, ф. П-5, оп. 2, д. 179, л. 8, 10.

¹²⁵ Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы: биобиблиографический указатель. Томск, 2012. С. 165.

¹²⁶ ЦГИА СПб, ф. 2297, оп. 1, д. 18, л. 1.

¹²⁷ К суду // Сибирский вестник. 1905. 16 ноября.

¹²⁸ К делу о погроме // Томские епархиальные ведомости. 1909. 1 сентября.

¹²⁹ Резолюция представителей служащих всех служб и отделов Сибирской ж[елезной] д[ороги] по поводу событий 20–22 октября с[его] г[ода] в г. Томске // Сибирская жизнь. 1905. 20 ноября.

санной, скорее всего, Малиновским) российские погромы изображались как спровоцированный реакционными силами самосуд невежественной толпы над остальной частью общества и пример «грубого посягательства» на права судебной власти¹³⁰. 17 ноября последовало увольнение Никольского¹³¹, и уже 19 ноября «Сибирский вестник» потребовал отдать его под суд¹³².

Тем временем 23 декабря 1905 г. территория вдоль Транссиба была объявлена на военном положении, что предоставляло Сухотину чрезвычайные полномочия¹³³. 7 января 1906 г. в Томск приехал новый губернатор К.С. Нолькен. Как утверждало черносотенное «Русское знамя», при нём местным «интеллигентам так или иначе приходилось стесняться»¹³⁴. Помимо расследования обстоятельств погрома, сразу же началось административное дознание о действиях во время беспорядков должностных лиц городского самоуправления. Губернатор возбудил дело о предании Макушина и нескольких членов управы суду за превышение власти. Однако министр внутренних дел П.Н. Дурново не нашёл в их деятельности состава преступления¹³⁵.

Так или иначе, в конце 1905 — начале 1906 г. расследование окончательно пошло по желательному для правительства сценарию. В условиях военного положения городские газеты про побоище предпочитали молчать¹³⁶. Сухотин закрыл «Сибирский вестник»¹³⁷, лишил должности Витте, который впредь числился среди врагов монархии¹³⁸, Иващенко предписал выехать из Сибири¹³⁹. 11 февраля генерал-губернатор потребовал, чтобы Вологодский покинул Томск¹⁴⁰. Примерно тогда же в материалах следствия перестали упоминаться в качестве подозреваемых административные и армейские чины¹⁴¹. К моменту судебного процесса в органах юстиции не осталось никого из ключевых фигур, начинавших расследование томской бойни. Последним из них 12 января 1909 г. покинул свой пост Соболев¹⁴².

В итоге в обвинительный акт не попали имена ни тех, кто стоял во главе защитников монархии, ни тех, кто революционизировал обстановку в городе в 1905 г. Предварительное следствие завершилось негласным компромиссом, в результате которого судили второстепенных нарушителей закона. При этом обе стороны конфликта оказались одинаково недовольны правосудием и солидарно возмущались тем, что в зале Томского окружного суда в августе 1909 г. разыгралась «комедия»¹⁴³.

¹³⁰ Ещё к вопросу о причинах погромов // Сибирская жизнь. 1905. 20 ноября.

¹³¹ Ларьков Н.С., Чернова И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники... С. 95.

¹³² Серый С.Н. Пора, пора! // Сибирский вестник. 1905. 19 ноября.

¹³³ ПСЗ-III. Т. 25. СПб., 1908. № 27093.

¹³⁴ Дело о томском погроме // Русское знамя. 1909. 6 сентября.

¹³⁵ См.: Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы... С. 172.

¹³⁶ Шиловский М.В. Томский погром... С. 79–80, 82.

¹³⁷ Томская хроника // Вестник Сибири. 1906. 1 января.

¹³⁸ В 1915–1916 гг. за Витте (в жандармской номенклатуре имел кличку «Тяжёлый») даже велось наружное наблюдение (ГА РФ, ф. 111, оп. 1, д. 598, л. 1–20; д. 599, л. 1–26).

¹³⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 537, д. 235, л. 2.

¹⁴⁰ Томская жизнь // Сибирская жизнь. 1906. 14 февраля.

¹⁴¹ 13 февраля 1906 г. Русанов писал Соболеву, что в расследовании необходимо «правильно определить роль войск и властей» (ГА ТО, ф. Ф-11, оп. 4, д. 7, л. 24).

¹⁴² ГИА ОО, ф. 25, оп. 2, д. 84, л. 5 об.–6 об.

¹⁴³ Философ Чёрный. Суд томского погрома // Сибирская правда. 1909. 13 сентября; Рассохин Г.С. Указ. соч. С. 15.

Характерно, что ни в качестве подсудимого, ни даже в роли свидетеля перед судом не предстал Азанчевский-Азанчеев, в котором многие видели главного вдохновителя погромщиков. Впрочем, судьба его всё равно сложилась печально. С лета 1907 по 31 июля 1909 г. он числился земским начальником 3-го участка Корчевского уезда Тверской губ., что для бывшего губернатора означало карьерное фиаско. А 30 сентября 1908 г. Кашинский окружной суд признал его несостоятельным должником¹⁴⁴.

На процессе 1909 г. в Томском окружном суде адвокаты сторон тщетно пытались обратить внимание на то, что наиболее влиятельные виновники кровопролития отсутствуют на скамье подсудимых. Председательствовавший гр. Подгоричани-Петрович тотчас же прерывал рассуждения об ответственности за беспорядки неких «старых властителей жизни» словами: «Оставьте властителей жизни, господин Вологодский, и ближе к делу»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ РГИА, ф. 1291, оп. 31, д. 286, л. 1, 32 об., 34.

¹⁴⁵ Дело о погроме 1905 г. // Сибирская жизнь. 1909. 28 августа.